

НЕИЗДАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ РУБАНА

Лидия Гинзбург

В незаконченной статье 1833—1835 гг. так наз. «Мысли на дороге» Пушкин писал: «Patronage (покровительство) до сей поры сохраняется в обычаях английской литературы. Почтенный Кребб, умерший в прошлом году, поднес все свои прекрасные поэмы To his Grace the Duke etc. (его светлости герцогу и т. д.)... в России вы не встретите ничего подобного. У нас, как заметила M-me de Staël, словесностию занимались большею частью дворяне... Это дало особенную физиономию нашей литературе; у нас писатели не могут изыскивать милости и покровительства у людей, которых почитают себе равными, и подносить свои сочинения вельможе или богачу, в надежде получить от него 500 рублей или перстень, украшенный драгоценными камнями. Что же из этого следует? Что нынешние писатели благороднее мыслят и чувствуют, нежели мыслил и чувствовал Ломоносов или Костров? Позвольте в том усумниться.

«Нынче писатель, краснеющий при одной мысли посвятить книгу свою человеку, который выше его двумя или тремя чинами, не стыдится публично жать руку журналисту, ошельмованному в общем мнении, но который может повредить продаже книги, или хвалебным объявлением заманить покупателей...»

«К тому ж с некоторых пор литература стала у нас ремесло выгодное, и публика в состоянии дать более денег, нежели его снательство такой-то или его высокопревосходительство такой-то».

Пушкин довольно точно сформулировал буржуазную социологию писательского ремесла, в отличие от феодальной социологии, и отдал предпочтение феодальной. В середине 30-х годов вопрос о социальном положении писателя был для Пушкина мучительным и личным вопросом. Он говорит об этом как историк и как современник, для которого даже времена Ломоносова и Кострова существовали еще в устном предании вос-

поминаний и анекдотов. Наряду с новым для России буржуазным типом писателя, прямо зависящего от публики, Пушкин различает два феодальных типа: писатели-дворяне «не могут изыскивать милостей и покровительства у людей, которых почитают себе равными», и вместе с тем: «Ломоносов наполнил торжественные свои оды высокопарной хвалою; он без обиняков называет благодетеля своего графа Шувалова своим благодетелем; он в какой-то придворной идиллии воспевает графа К. Разумовского под именем Полидора; он стихами поздравляет графа Орлова с возвращением его из Финляндии... Дело в том, что расстояние от одного сословия до другого в то время еще существовало. Ломоносов, рожденный в низком сословии, не думал возвысить себя наглостью и запанибратством с людьми высшего состояния (хотя, впрочем, по чину он мог быть им равным)». («Мысли на дороге»).

Формально Ломоносов статский советник и дворянин. Но писатели из рядов поместного дворянства, с их исконными классовыми вожделениями, с их враждебностью принципу бюрократического самодержавия — противопологались Пушкиным идеологически безответственным наемникам власти и знати.

В деятельности писателей-наемников XVIII в. на некой «высшей» ступени стояли темы столь официальные, что в их пределах и воспеваемый и воспевающий теряли личные признаки, превращаясь в абстракцию монарха, вельможи, полководца, как и в абстракцию пиита. Абстракции и стали по преимуществу достоянием печати и потомства. Те же ступени поэтической лестницы, на которых социальное раболепство неприкрыто сменялось личным угодничеством, обычно скрывались в быту. Тем существеннее для малоисследованного вопроса о вельможном меценатстве XVIII в. рукописное наследие коллежского секретаря и сочинителя Василия Рубана.¹ Ибо вряд ли ритмическая речь когда-либо служила для более откровенного разговора о подачке за восхваление и о восхвалении за подачку.

¹ В рукописном отделении ГИБ хранятся две тетради стихотворений В. Г. Рубана (шифр F XIV, № 46). Наряду с черновиками и списками его печатавшихся од, переводов и на шпеей, они содержат большое количество подносных стихотворений. Из этого материала до сих пор опубликовывались только отдельные строки в статьях и библиографических заметках о Рубане. Ряд подносных стихотворений публикуется целиком впервые в настоящей работе. Тексты рукописей Рубана часто неисправны; в иных случаях недостает части стиха или даже целой строки и т. д.

Его высокопревосходительству Санктпетербургского вольного
Общества Президенту Петру Богдановичу Пассеку.

Дел домостройственных ты, Пассек, председатель.
И блага общего ты твердый надзиратель.
Все Общество тебя за труд благодарит,
Споспешником тебя оно благ общих зрит.
Быть членом Общества сего я честь имею,
Но как полезным быть ему не разумею.
О земледелии писал стихи Марон,
Но в Риме огород имел при доме он
И дачу, какова твоя при Могилеве,
Он хлеба всякого заботясь о посеве
И роды разного там содержал скота.
Шленила взор его мест сельских красота.
И хвалит своего щедроты Мецената, —
Чувствительной души то должна дань и плата.
Подобной щедростью и я тебе хвалюсь
И царской звать ее щедротой не стыжусь.
Пять тысяч четвертей земли мне князь Тавриды
Давал, но на письме ее лишь зряся виды,
В поместье ж не пришла сия поднесь мне часть.
И я не знаю кто принял ее во власть,
Или казенною осталася поныне.
Я бобылем живу и в горестной судьбине,
И нанимаю дом, хоть не весьма хорош,
Доколе есть еще в кармане царский грош.
Своей же нет земли ни четверти аршина.
Наследие мое всех улиц грязь и тина,
Котору всякий день ногами я мешу
И часть не малу в дом на обуви ношу.
Я делал опыты и из сего навоза,
И на грязи моей росли тюльпан и роза.
Но каля польза мне от опытных цветков,
Я лишню истощал лишь нару башмаков,
И опыты мои мне бесполезны стали,
Когда цветы мои засохли и увяли.
Под руководством я теперь твоим иду
И ниву новую парнаску заводя
Во приобретенном краю недавно польском,

И слыша земляков о действе том пройском,
 Во кратком слоге их я подвиг описал;
 С сим опытом трудов пред твой я взор предстал.
 Врожденную в тебе любовь к наукам зная
 И добротворный дух твой сердцем почитая,
 Льщусь выгоды в тебе желанные иметь:
 Домостроитель ты и знаешь, чем согреть
 Оледеневшую земли замершей жилу.
 На многомошную твою надеясь силу,
 И опыты моих хоть небольших трудов
 Во благодетельный вручая твой покров,
 От меценатской же я жду твоей десницы,
 Что щедрой взору ты представя их царице,
 Желаемое мной составишь счастье тем;
 С покорностью теперь тебя прошу о сем.

Социальные факты, сопутствовавшие торжественной оде, как нечто запредельное тексту и подразумеваемое, на низах одической литературы переместились в текст. Послание к Пассеку имеет двойное назначение: во-первых, утилитарное — прошение о пожаловании земли;¹ во-вторых, теоретическое — размышление о том, что каждый меценат имеет такого Марона, какого он заслуживает.

Рубан был украинец, вероятно, из казаков. Во всяком случае из Московской духовной академии он поступил в разночинскую гимназию при Московском университете.² По окончании университета Рубан служил в Коллегии иностранных дел переводчиком; потом протоколистом Межевой экспедиции в Сенате. С 1774 г. он, в течение 18 лет, состоял секретарем

¹ Для верности Рубан адресовал еще и Зоричу то же самое послание с небольшими вариантами:

Ты в крепость, в слабость я телесну облечен,
 Твой дом обилием — мой скудостью снабден.
 Карета, лошади — все у тебя готово.
 На стихотворное лишь я обилен слово.
 Деревни у тебя и многоплодный сад.
 Я и надежды сих лишен иметь отрад.

и т. д.

Деловая часть обоих посланий совпадает полностью.

² О существовании документа, подтверждающего это с несомненностью, сообщил мне Г. А. Гуковский.

Потемкина, причем в 1784 г. был определен Потемкиным в Военную коллегию, в качестве заведывающего иностранной перепиской и переводчика с польского языка деловых бумаг. В этой должности Рубан дослужился до чина коллежского советника (см. Б. Модзалевский. В. Г. Рубан, СПб., 1897).

Рубан — один из самых усердных и плодовитых литературных работников второй половины XVIII в.: переводчик, поэт, автор статистических, географических и исторических статей, специалист по сочинению надгробных и других надписей и издатель нескольких журналов. Но современники знали не только официальную и печатную сторону деятельности Рубана. В. Капнист писал

Но можно ли каким спасительным законом
 Принудить Рубова мириться с Апполоном,
 Не ставить на подряд за деньги гнусных од
 И рылом не мутить Кастальских чистых вод?¹

(«Сатира I»)

Очевидно, что Капнист не имел здесь в виду рубановских од в честь побед Суворова, или «... на кончину ее светлости Евдокии Борисовны, владеющей герцогини Курляндской и Семигальской», или «На день рождения Императрицы Екатерины II»:

Узрев рожденья день на свет Екатерины,
 Покрылись зеленью и горы, и долины,
 И небо, и земля, и сонм огней и вод.
 И церковь, и чертог, и войско, и народ
 Принимают радостны торжествования виды,
 Питомицу зря муз и Марса, и Фемиды,
 Возведшую с собой на августейший трон
 Науки, ремесла, художества, закон...

Все это могло быть как угодно бездарно, но в конце концов ничем принципиально не отличалось от оды вообще. Капнист очевидно намекает на специфическую подносную поэзию Рубана, в значительной своей части рукописную.²

«Гнусная ода» отличалась от торжественной оды, прежде всего, отсутствием одической абстрактности и перифрастичности,

¹ Ср. отзыв Д. И. Хвостова: «Рубан не иначе восходил на Парнас как для прославления богатых и знатных особ».

² Впрочем, и среди печатной продукции Рубана можно указать весьма своеобразный опыт. А именно «Дифирамб пану Фаддею Костюшке, раз-

в силу которой вещи не назывались своими именами, а по возможности греческими и римскими; по-русски то же самое выходило «гносно». Причем гнусность могла ощущаться не только в попрошайничестве самого пиита, но и в чересчур откровенном ожидании «монаршей мзды» для особ воспеваемых. Вроде обращения к Ал. Ал. Саблукову:

Грудь, Саблуков, твою Владимир осеняет
И сродника к себе в соседство ожидает.
О сем на небеса мольбу усердну лью:
Да Невский озарит грудь Александр твою,
И если вечным сном я взора не закрою,
То с александровской узрю тебя звездою . . .

Рубан работал и в торжественном и в «гносном» роде, иногда простодушно смешивая их признаки. Подобное сочетание мифологических абстракций с бюрократическими терминами представляет собой следующее его произведение:

Письмо

Его Сиятельству

Графу

Платону Александровичу

Зубову

от Коллежского советника Рубана.

По воле божества и силою указа,

Граф Зубов членом стал Военного приказа!

битому и взятому в плен с предводимыми им польскими мятежниками при замке Мачевице в 60 верстах от Варшавы 29 сент.» (1794 г.). Это вещь, написанная в солдатском, «суворовском», стиле, очень далекая от официальной военной поэзии XVIII в., нечто вроде агитационных афишек Растопчина 1812 г.

Узнавши Ферзен сих к себе гостей приход,
Венгерское вино и лицец ставит миод,
С учтивостью прося их питей сих покушать;
Но зря, что не идут и не изволят слушать,
Солдатским их своим попотчивал пивцом,
И показал себя пред ними молодцом,
Он храбрым русским дал приказы генералам,
Чтоб воздали они сим должное пахалям . . .

Держащим на врагов со молнией перун,
Которому и Марс послушен и Нептун.
Все рады суть сему, я паче всех доволен,
Быв лета многие неизделимо болен,
Надеяся, что он по милости своей
Спокойством облечет моих остаток дней:
В военной бо и я советником служу,
Но не советую, а только превожу
На русской польские патенты и дела,
Но кроет мрачная мои зеницы мгла,
И продолжать уже сей труд не дозволяет,
Хотя усердием мой к службе дух пылает:
Уже бо тридесат и слишком лет прошло,
Как в офицерский чин мя счастье возвело,
Шестой же от роду лет прохожу десяток,
И в жалованьи весь мой состоит достаток,
Да разве мне своей деревней счесть Парнасс.
Скотины же один, но ветхий уж Пегас.
Осьмнадцать лет служил при князе я Тавриды;
Но к горести моей и к чувству обиды
Тот, кто трудившихся при оном представлял
Умершим знать меня сочтя, не написал,
И тем лишил меня участия награды
На штат покойного от росския Паллады,
Котора матерни на всех щедроты льет
И как живущим, так и мертвым воздает
За труд к отечеству, о редка добродетель!
Да продлит жизнь ее вселенная содетель
До самых позднейших времен и лет, и дней,
Для счастья подданных, для помощи царей.
Не люди лишь одни, но рыбы, звери, птицы,
Как удивленный перс, быв у сея царицы,
Заметил, — от нее довольством снабдены, —
Чего же ожидать словесные должны?
Хоть подданным ее последним я считаюсь,
Но милостями ее вседневно озаряюсь,
И благодарственные песни приношу
И буду пети ей доколе же дышу.
Наибольшим для себя то счастьем почитаю,
Что жизнь во дни ее на свете продолжаю.

Не лишних требую при старости наград,
 Но чтоб коллежских мне советников оклад,
 Каков в сем городе по штатам утвердила,
 Чтоб оной дать и мне теперь благоволила;
 Или ясней сказать, чтоб до последних дней
 Мне семьсот пятьдесят в год пенсии рублей
 Высоким повелеть изволила указом,
 И чтоб уволен я Военным был приказом
 От скрибы, ибо я уже и слеп и глух,
 Лишился зрения и потерял мой слух.
 Вот в чем моя к тебе, граф Zubов, просьба слезна
 Не сделай моего прошенья бесполезна;
 Но милость бедному пииту покажи,
 И к благодарности дух старца обяжи.¹

23 января 1794.

Перун и Нептун, Парнасс и Пегас не закрывают от взоров
 читателя вполне житейскую обстановку военной канцелярии;
 а от «Росская Паллады» требуется —

. . . чтоб коллежских мне советников оклад,
 Каков в сем городе по штатам утвердила,
 Чтоб оной дать и мне теперь благоволила;
 Или ясней сказать, чтоб до последних дней
 Мне семьсот пятьдесят в год пенсии рублей
 Высоким повелеть изволила указом . . .

¹ Это послание, так же как и первое, о двух адресатах. В том же
 1794 г. оно было представлено графу Салтыкову, причем строка: «Вот
 в чем к тебе моя, граф Zubов, просьба слезна» — в салтыковской редакции
 читается: «Вот в чем к тебе моя, граф, ныне просьба слезна». После точно
 воспроизведенной деловой части, следует вариант:

Прости, что просьбой сей тебя я утруждаю,
 Надежнейших к сему путей не обретаю.
 Что пользы в том, что я зажиточным знаком,
 Они на лошадях, а я хожу пешком,
 А конный пешему товарищ не бывает,
 И сыт голодного еда ли понимает?
 Ты с чувством и душой, граф Салтыков, рожден,
 Будь горестной моей судьбою убежден.
 Все то свидетельством любви твоей ночью
 И добротворцов тя к числу моих причту.

Вот это стремление «ясней сказать» о 750 рублях пенсии и покорило дворянскую шепетильность Капниста. Поэзия славословий звучала пристойно, покуда она оперировала общими знаками политических величин и социальных категорий. Всякий частный случай граничил уже с неприличием. Кстати, как бы конкретно ни изъяслял Рубан желания получить пенсию, в этих домогательствах все же был оттепок официальности. Но Рубан дошел и до таких «частных случаев», как стихотворная благодарность за обед:

Его Высокопревосходительству Александру Александровичу
Нарышкину

Благодарение за письмо полученное из Екатеринослава от
25-го ноября 1794 г.

Нарышкин, обершенк Второй Екатерины,
Дом коего явил мне древние Афины!
С гречанкой грека в нем беседующих зрел,
Равно и древний Рим тут случай зреть имел,
Латинским языком имея в нем беседу,
Хозяйкою потом оставлен для обеду,
Которой слабых сих был слог мой поднесен,
И с благосклонностью от оныя прочтен.
На ней священнейший геройский знак сияет,
И образ божества грудь оной украшает!
Отборных яств имел я за столом куски
От благотворных хозяйския руки,
С благоговением когору лобызаю,
И что за милости сии воздать? — не знаю.
Какое лучшее на свете есть вино:
Такое при столе мне было подаю.
Потом, когда уже из-за стола все встали,
То о приехавшем с письмом гонце сказали.
Хозяин сам сего представил мне гонца,
Запечатленного я видел письмеца
Обверт со надписью и города на оном,
Я удовольствие мое явил поклоном.
Простаясь с хозяином и в дом свой отхожу,
Открыл письмо и клад во оном нахожу.
Без всех заслуг моих хозяйской знак любви
И знаменитая благородной крови

О ближнем чувствие, я оным поражен,
 Не зная сам за что был столько одолжен.
 Но сим не кончилось, еще, еще оттуда
 Два сорта яблок мне пришли, два целых блюда
 Печеных с сахаром, а из других компот —
 Чем вдруг с запасом стал карман, желудок, рот.
 Блажен кто жизнь свою во благе провождает,
 Небесну мзду тому создатель обещает,
 Для оказания ж без просьб, догук услуг
 Являет образ нам пресветлый Фебов круг.
 Вседневно он, всходя небесных вверх селений,
 Не дожидаяся ни от кого молений,
 Благотворительны лучи лиет на всех,
 Чтоб быть споспешником отрады и утех
 Многообразного земных творений рода;
 Им оживляется и всех вещей природа;
 Как благотворный дождь иль нежная роса
 Засохшие живит и злак и дрeвеса, —
 Так лира скудная живится от щедроты
 И новые к стихам виною есть охоты.
 Вот чувство какво, Нарышкин, я вмещал,
 Как благотворное твое письмо читал;
 Я начертание твоей лобзал десницы,
 Имея полные слез радостных зеницы.
 Что благо я себе нечаянно обрел,
 Небесному сие все промыслу причел.
 И милости твои, как и твоей супруги,
 Без наималейшей мне оказаны услуги,
 Во всю чувствительны пребудут жизнь мою,
 И я на лире их пред светом воспою.
 Доколе будут в Белт струи Невы катиться,
 Доколе дней моих течение продлится, —
 Доколе буду я щедроты ваши петь
 И благодарное к вам чувствие иметь.

Отдано 27 ноября 1794 года.

В обращении к Нарышкину фигурируют еще некоторые одические аксесуары — вроде «Рима» и «Белта». Но у Рубана есть и вещи, выдержанные в едином коммерческом стиле. Напри-

мер, краткое послание к Яковлеву (очевидно Сергею Саввичу, сыну известного богача из мещан — Саввы Яковлева):

Коль, Яковлев, тебе хвала для дочки люба,
 Потщися, чтоб была мне тепленькая шуба,
 Которую уже ты мне и обещал,
 До сочинения еще ее похвал.
 Немедленно они, я думаю, поспеют,
 Коль муфта с шубою мне руки посогреют,
 Которые теперь привел в озноб мороз.
 Я и зимой растить пучек умею роз,
 А матери твоей за похвалу духовной
 Счет после сделаем с тобою полюбовной.
 Она уж сделана мной по твоей мольбе
 И мною вручена, как помнится, тебе.
 Вот видишь, что твоих я просьб не забываю,
 Не забывай и ты, о чем напоминаю.¹

Столь же стилистически последователен стихотворный «Счет» представленный какому-то заказчику (как видно из текста,

¹ Приезду еще несколько соответствующих мест из разных посланий:
 Зоричу

Ты здравие, герой, беречь мне предписал
 И пятьдесятных шесть при том бумаг прислал.
 С трудом читал руки я почерк твой священный,
 Но списком бывшим в нем столь ясно вразумленный
 И луч твоих щедрот блистательных в них зря,
 Приемлю, искренно тебя благодаря,
 И благотворную десницу лобызая,
 Лью слезы радости, взор к небу простирая,
 Чту новых милостей твоих к себе залог...

Родзянке

Я вознесенский лист и три листа при нем
 В обверте получил с исправностью твоим,
 Судакское вино, и киевские вишни,
 Благодарения не могут быть излишни...

Даву (после благодарности за присланный
 табак):

И думаю еще я от руки твоей
 Из мокрых или же и из сухих вещей*
 В дар что либо принять, что сам ты порассудишь,
 Чем к благодарности ты сам меня побудишь.

* Вариант: Иль яблоч, иль сельдей, иль вин, иль овощей.

игольному фабриканту) за хвалу «покойному родителю» (Рубан был профессиональным составителем надгробий):¹

Счет забранных в зачет надгробия вещей.

Я, требуя от вас за надпись награждений,
 За долг вмению счет составить одолжений,
 Какими жалован я в бытность здесь от вас.
 Вы ласковы ко мне бывали всякой час,
 Фунт чаю получил от вашего я сына
 И в ангел мой сукна для фраку три аршина,
 Бумаги разные бракованныя дествь,
 Да Вашей фабрики иглоков двадцать шесть.
 Вот безуронная вам вся до нитки смета,
 Чем своего снабдить изволили поэта,
 И буде нужно, то поставьте в счет их мне, —
 С охотою и то я всё приму в цене,
 Какая, за хвалы родителя покойна,
 Покажется для вас прилична и пристойна.
 Хотя бы сотую иль тысячную часть
 Того, что вы по нем в свою прияли власть,
 Благоволили вы на бедных уделити,
 Не может, кажется, за то греха вам быти
 И польза б тем была родительской души —
 Чистосердечия ты голосу внуши.

За этим утилитарным стихотворством вырисовывается социальное лицо автора — лицо литературного наемника и разночинца; причем позиция эта Рубаном осознана:

Послание Н. Н. Д[емидову] на новый 1795 год.

Д[емидов], ты желал, чтоб я писал сатиру,
 Да сто рублей твоих² известны будут миру,
 Пииту данные в день именин твоих,
 Чем щедрость изъявил ты за похвальный стих.
 Ты встретил с таким подарком и пиита,
 С каким того, твоя кем пара платья сшита,

¹ В 1799 году, по случаю посещения могилы Рубана, Лвостов написал:

Здесь Рубан погребен; он для писанья жил
 Надгробописец быв, надгробну заслужил.

² Вариант: «Да знак щедрот твоих» . . .

Считая наравне пера с иглою труд;
Подобный в старину бывал Шемякин суд.
Теперь ума и рук способность различают,
Художеств и наук прямую цену знают;
Но и за сей тебя я дар благодарю;
И не сатиру, но послание творю;
И нежности твоей легонько дам заметить:
Не все то золото, или алмаз, что светит;
Гнилое дерево равно и червь земной
В углу при темноте свет испускают свой.
Блестящи мотыльки, летая над свещою,
И искры снежные блеск издают зимою.
Но ошибается наш часто слух и взор,
Передко холмики нам кажут виды гор,
И вещи разные нас издали прельщают;
Но ближе рассмотри, восторги исчезают,
И бубны славятся, но за горами лишь;
Мня зреть большой корабль, смотрю поближе — лодка;
Мне с кедра шишечка свалилась иль колодка,
Но я и шишечке при недостатке рад:
И из нее развесть кедровый можно сад;
И добрым знаком дар сей неба почитаю,
Задатком большего я малое считаю,
Как слышал из твоих я благотворных уст,
Ты обещал еще, и твой обет не пуст.
Мне твой родитель был и дядя благодетель,
Им щедрости была врождена добродетель,
Они покоятся уже в блаженном сне,
Ты благ споспешником по оных буди мне.
От них была моя ущедровапа младость,
Ты не оставь мою днесь дряхлу видя старость,
Которую уже влечет недуг во гроб.
Дух благодетельных имея ты особ,
Призреньем не оставь, да кончу дни в покос.
Большому кораблю и плаванье большое
Приличествует быть, ты и за малый стих
Потщись давать дары достойны рук твоих,
Усердный буди благ ты ближнему содетель,
И не останется безмездна добродетель.
Щедротой шествовать ты начал славы в храм

И узришь славную щедрот награду там.
 В наставший новый год тебя я поздравляю
 И прошлогоднего обета ожидаю,
 Который исполнять за долг души вменя
 И дешево труды пиита оценя,
 Вознаграждение соделав оным ново,
 Исполни чрез сие тобою данно слово,
 Которого уже не малы дни я жду,
 Имев с моим трудом недостаток твой в виду,
 Понеже старику больному очень больно,
 Когда довольные дать не хотят довольно:
 А от других не так достаточных людей,
 Я с удовольствием в дар беру и сто рублей,
 И меньшей дар цены с приятностью приемлю;
 От многих же совсем и ничего не возьмю;
 Мне бог невидимо прещедрый воздаст
 И с лишком пятьдесят меня питает лет.
 Щедрот его к себе я вечно не забуду
 И прославлять его в похвальных песнях буду.
 Доколе же дышу, и тех благодарить,
 Кто будет волей мне его благодворить;
 И не имев своих ни деревень, ни дому,
 Я промыслу его себя вручу святому;
 Зрю щедраши меня вседневно небеса,
 И благостей его меня поит роса.
 На милосердие его я уповаю
 И дней моих конца спокойно ожидаю;
 Бог мне прибежище, защита, и оплот.
 Вот мысль тебе моя, Д[емидов], в новый год.

Рубан характеризует положение литературного наемника, с горечью отмечая несправедливость в оценке умственного труда. Однако, все это в тоне лакейской резиньяции. Существующее положение вещей очевидно несправедливо, но для резиньяции достаточно и того, что оно существует:

Но и за сей тебя я дар благодарю
 И не сатиру, но послание творю...

Замечательно, однако, что именно плебейская «гнусная ода» вместила некие, хотя бы уродливые, зачатки социального протеста, невозможного в поэзии высоких славословий:

Понеже старику больному очень больно,
Когда довольные дать не хотят довольно.

А вот начало «Письма» к Сергею Саввичу Яковлеву:

Я в новой, Яковлев, твоей деревне был
По зву, но там тебя тогда не улучил,
Хотя же твоему сказался я гусару,
Но мною не вилял он слов: как лошадь без удару
Извозничьим кнутом или концом возжей,
Блестящею гордясь ливреею своей,
К простому ж моему суконному убору
Не восхотел возвесть очей своих и взору,
Однако ж проворчал сквозь зубы: я скажу
И барину, когда приедет, доложу...

Декларация плебейской обездоленности придает Рубану определенные социальные черты, тогда как в официальной оде XVIII в. автор выступает не только без личных, но и без общественных признаков; это только — лицо воспевающее. Официальная ода, порожденная феодальным обществом, была жанром косным и преимущественно приспособленным к выражению узко-феодалных отношений. Бытовое же стихотворство Рубана топорно, коряво, но все же как-то отражает рост новых буржуазных сил. Так, в обращении к Николаю Никитичу Демидову Рубан дает апологию дельца, организатора национальной промышленности. Образ новый, наряду с традиционными в феодальной поэзии образами — полководца, вельможи, «справедного судьи»:

Поздравление его высокородию
Николаю Никитичу Демидову

Со вступлением в должность советника горной экспедиции
1795 года.

Природы тайны знать, руд положенье ведать,
Почетней, нежели на серебре обедать,
Неистощимого устав знать естества,
Полезнее, чем знать наряды щегольства
И ведать разные новейших мод уборы,
Приличней для коней какой кареты цвет,
Иль как протанцевать искусно минавет,

Что высшим даром благ считают петиметры,
 И их сообщницы, в главе посящи ветры,
 Которых жизни в том верховный есть закон,
 Чгоб время года знать, или по их сезон,
 Когда в тафту, в атлас, иль в бархат нарядиться,
 Когда, кому с каким изгибом поклониться,
 Как острым меж каких умов блеснуть словом,
 Презренье, иль хвалу кому явить лицом.
 Вот знающего свет наибольши совершенства,
 Но ведать способы народного блаженства,
 Потребно более и знаний и труда,
 Какая и каких крушцов¹ у нас руда,
 В какой стране какой доброты или видов? —
 То ведать преддежит тебе теперь, Демидов! —
 Понеже горних дел советником ты стал,
 Я в сем достоинстве тебя не поздравлял,
 Поздравить же теперь за долг и честь вмению,
 Не в прозе, но в стихах, и оным исполняю
 Желание твое, и с радостию жду
 Да вскоре узришь ты от рук монарших мзду.

Еще выразительнее в социальном отношении «Ода откупщикам»:

К откупщикам

оказавшим услугу короне падачею
сумм при торгах 1794 года.

Пою податливость усердные руки!
 Наддачей при торгах казны откупщики,
 Благопогребную явившие услугу
 Для пользы отечества, земному в славу кругу!
 Я ваши в алфавит привел здесь имена,
 Да их и поздние узнают времена.
 В пределах будете всего известны света,
 Ходячая везде прославит вас монета.
 Вы, вы, Силен и Вахх, веселий божество,
 Народов радостно умножьте торжество!
 В честь вашу строятся откупщиками храмы

¹ Крушец — металл.

И украшаются зелеными листьями
Неувядающих древес чрез целый год,
Да весел завсегда пребудет в них народ.
Кто ж именно и где усердный труд являют,
Читатели сие из росписи узнают,
В порядке азбучном предложена она
С названиями мест чины и имена
Благоуслужливость отечеству явивших
И за усердность песнь похвальну заслуживших
Пиита, коего готовность есть пера
Описывать весь век споспешников добра
Да в росском и они известны будут мире!
И радость возглашать соотчичей на лире,
На казовый конец и полный алфавит
Имен их и чинов являет здесь пиит.
Да каждый, кто его увидит, прочитает
И об отличии усердия узнает.
По званию и числу взятых на откуп стран
И сколько у кого обилеи есть карман, —
Удобно может то в уме своем расчислить,
И о имени своих сограждан мыслить
Удобность каждому откроется чтецу.
Но славы вашей, откупщики, певцу
Логь малу часть своих доходов уделите,
И книжек по пяти трудов его возьмите,
Которы издал он для пользы общей в свет.
Сего возмездия себе от вас он ждет
За сочинение стихов и алфавита,
Где ваша взору всех услужливость открыта.
В признаньи вашем он себя надеждой льстит
И щедрость вашу вновь пред светом возвестит,
Прострет похвальное о вас к народу слово,
И сборище у вас веселых будет ново.
В противном случае, оборотя назад,
Он лиру на другой свою настроит лад.

Восхваление откупщиков — акт несколько не предусмотренный традицией высокой поэзии XVIII в. и непосредственно идущий от самой злободневной действительности. Любопытно, что Рубан не подводит своих новых героев под нивелирующий масштаб

феодалных достоинств и добродетелей. Он сохраняет буржуазную специфику в самом строе образов, в подборе воспеваемых качеств:

Ходячая везде прославит вас монета

По званью и числу взятых на откуп стран
И сколько у кого обиден есть карман...¹

Рубановская буржуазность, разумеется, не имеет ничего общего с передовой буржуазностью радищевского толка. Это буржуазность реакционная, поклоняющаяся откупщикам и прислуживающая власти. Но как бы то ни было — в стихотворческий оборот Рубана вместились явления разного порядка, в том числе и такие, для которых в более высоких литературных этажах вовсе еще не найдено было выражения. Между прочим, Рубану принадлежит, вероятно, первое в русской литературе стихотворение о рабочих:

¹ Тема денег вообще разрабатывалась Рубаном и в рубановском окружении с величайшей прямолинейностью. В свое время Незеленов даже усмотрел в журнале Рубана «Ни то, ни сию» — «материалистическое направление» на основании напечатанного там стихотворения о деньгах:

Можно ли нищенство
Деньгам предпочесть?
Деньги — лучше средство
В свете все обресть!
Деньги в честь выводят,
Нам друзей находят.
Где серебро блеснет,
Взоры там народны;
Где богач идет,
Путь открыт свободный.
.
Царств великоленность,
Блеск безбренных дней,
В брани нужна крепость,
Всех союз вещей
Деньги составляют,
Деньги прикрывают
И пороки злых!
Кто серебром запасен,
Тот в глазах людских
Честен, остр, прекрасен.

Песня рабочих людей.

Устал, устал до нота
Лукерьян кум Кузьма!
Мила мне, рек, работа,
Калинишна кума!
Соль и хлеб у нас с водою,
Лижем кумушка с тобою.

Ночь нам весело минет
Мне с кумою грусти нет.
Кто как хочет пусть толкует,
Моя совесть не тоскует,
Я и ухом не веду,
Что с кумою спать иду.

Пусть роскошные соседы
Пиры строят и обеды,
А мы хлебом и водой
Будем сыты век с кумой.
Наша крестница здорова,
Ей дана от нас корова.

На молочной та еде,
Мы на хлебе и воде;
Жизнь спокойно провоздаем,
Больше счастья не желаем.
Кто что хочет примечай,
Спать с кумой нам не мешай.

В этой идиллии сделан все же очень серьезный упор на хлеб с водою и на пиры и обеды «роскошных соседей». Вопрос о распределении благ явно интересовал Рубана.

Качество поэзии Рубана крайне низко, благодаря чему он с легкостью достигал того, что настоящим поэтам давалось с трудом. Державин, гениальным усилием преодолевая одическую отрешенность, перерабатывал быт в поэзию, т. е. он находил способы выражения, превращавшие идеологически нейтральные бытовые вещи в ценности поэтического слова. Для Рубана дело обстоит много проще, потому что ему нечего преодолевать и перерабатывать. Его подносное стихотворство — это сырой быт с приправой из Минерв и Нептунов; прямой язык канцелярии и передней, только с цезурой на третьей стопе:

Дубликат М. И. А[никину]

3-го апреля 1795 г.

О наглости к тебе писал я мушниковой,
 Что честь он повредил супруги Клепоковой,
 Невежливо свой рот широкий растворя,
 Кричал за нею вслед ура, ура, ура,
 С протяжкой повторял потом и ура,
 От слова же сего недалеко и дура;
 И множество других нелепостей вещал,
 Чувствительность ее чем сильно обижал,
 На улице большой в дни сырныя недели,
 И люди на сие позорище смотрели
 Со удивлением; представь же сколько зла
 Мушная даме пасть сей песнью нанесла,
 Что она, шести рублей не пожалев,
 Приходит на сего с прошением злодея
 В судилище твое, Аникин; ты взнеми
 И пасть мушным кулям к ее ногам вели.
 Сего единого она и ожидает,
 А то квашня ее без хлеба рассыхает,
 И живописная засохла мужа кисть,
 Потщися хлеб ему доставить иль корысть
 Решением его жены в бесчестьи дела,
 Как только Фомина покажется неделя.
 А просьбы моя сей дубликатный стих
 Послал в апреле я, в день именин твоих,
 С которыми тебя усердно поздравляю
 И всех тобой самим желанных благ желаю!
 Ты ведаешь, что я тебе на всякий год
 В сей день трудов моих препровождаю плод.
 Прими с приягностью мою невежну службу
 И продолжай твою мне драгоценну дружбу.
 О сем единственно тебя я и прошу
 И яко друг тебе свой дубликат пишу.

А при случае тот же Рубан пишет торжественные оды «настоящими стихами». Уже подносные произведения Рубана, рассчитанные на печатъ, гораздо больше похожи на стихи вообще — например, напечатанные благодарственные стихи Полемику. В них благодеяния, оказанные пишту, фигурируют не в виде

ассигнаций, печеных яблок, отреза на фрак, шубы и тому подобных неприличных конкретностей, а в виде перифрастических «камней, серебра и злата»:

Ты блакости лишь подобием реки,
 В добротворении прерывности не зная,
 Всечасно милости различны изъявляя,
 Ни камней не щадишь, ни злата, ни серебра
 Для пользы ближнего иль общего добра,
 О коем каждое мгновение ты мыслишь
 И день погибшим тот невозвратно числишь,
 Благодетель ты в который не явил.
 Веспасианов сын таков у римлян был.
 Ты милосердие в себе являешь Тита,
 Благодетельно всем грудь твоя открыта...

Произведение подобное «Дубликату» могло явиться только на почве графомании. Б. Модзалевский сообщает: «Помимо пользы, которую Рубан извлекал из занятий своих стихотворством, последнее служило ему и удовлетворением страсти к сложению стихов, которую он был одержим почти в равной степени с своим критиком гр. Хвостовым. Стихотворная производительность Рубана простиралась до огромных размеров, выражаясь в самых разнообразных формах. Дело доходило до того, что даже частная переписка велась с его стороны не прозою, а стихами. Сохранился рассказ, записанный П. Ф. Карабанным о том, как Потемкин, знавший слабость своего секретаря, предложил ему однажды написать в Соляную контору, вместо отношения, стихотворное послание о выдаче 10 000 рублей. Иногда случалось, что в один день Рубан сочинял по несколько стихотворений; даже во время своей предсмертной болезни он не пропускал почти дня, чтобы не написать кому-нибудь поздравления, письма в стихах и т. п.».

Потребность графомана изъяснять стихами свои обиходные интересы натолкнула Рубана на нечто вроде «дружеского послания»:

1-е Марта 1795 года.

Родзянка! У тебя прекрасная жена.
 Благовоспитана, быв в Дерпте рождена;
 Пленила кротких уст меня ее беседа,
 Хотя ж у твоего и не был я обеда,

Но пил за здравие ее вино твое,
 Тавридский коему Судак дал бытие.
 В сем граде образ был боготворен Афины,
 Он, став днесь и в области Екатерины,
 Оденет в новый блеск поблекшу старину
 И славу новую даст своѣму вину.
 Но что приятный вкус сего вина я знаю,
 Виновником тебя, Родзянко, почитаю,
 Покорно за него тебя благодарю
 И ведомым сей дар я свету сотворю
 Для умножения вину сему расхода,
 И начата ему уже похвальна ода.

19-го Августа 1794 года.

Когда б забывчивых петъ можно леногузов,
 То б похвалу соткал я и тебе, Кутузов,
 Я многажды тебя, для выкройки чехлов,
 Просил ко мне прислать портного из хохлов —
 Сидорку; или же кого ты сам рассудишь.
 И ты сказал — пришлю, и верно не забудешь,
 Однако ж позабыл, и по сие число
 Творение сие в чертог мой не вошло.
 И о твоей мои чехлы не сшиты лени,
 Однако ж говорить тебе не стану лени,
 Но с ласкою еще учтиво попрошу
 И благодарный стих, коль пришлешь, напишу.

В распоряжении Рубана оказалось огромное разнообразие вещей, при полном отсутствии метода для литературного освоения новых в литературе материалов. Лет через двадцать пять графоманы XIX века могли уже с легкостью писать на обиходные темы по образцам Батюшкова и Жуковского. Карамзинисты отобрали некоторое количество обиходных вещей, распределили их по местам, вытряхнули из них вещественное содержание и создали так стиль дружеских посланий. Что же касается рубановских чехлов, то они вышли из быта и в быту остались.

Подносные стихи Рубана — явление быта. Именно потому они — замечательное по своей прямоте свидетельство о социальном факте наемничества, зашифрованном в высокой поэзии XVIII века.